Ф. КАМПЕРІО.

Изъ воспоминаній итальянскаго военнаго агента.

Подъ Ляндянсяномъ и Ляояномъ.

(Переводъ съ итальянскаго).

С. ТОЛКУШКИНА.

Отдѣльный оттискъ жур. „Офицерская Жизнь“.

ВАРШАВА.
Военное Книгоиздательство „ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ“.
—
1911.

Ф. КАМПЕРІО.

Изъ воспоминаній итальянскаго военнаго агента.

Подъ Ляндянсяномъ и Ляояномъ.

(Переводъ съ итальянскаго).

С. ТОЛКУШКИНА.

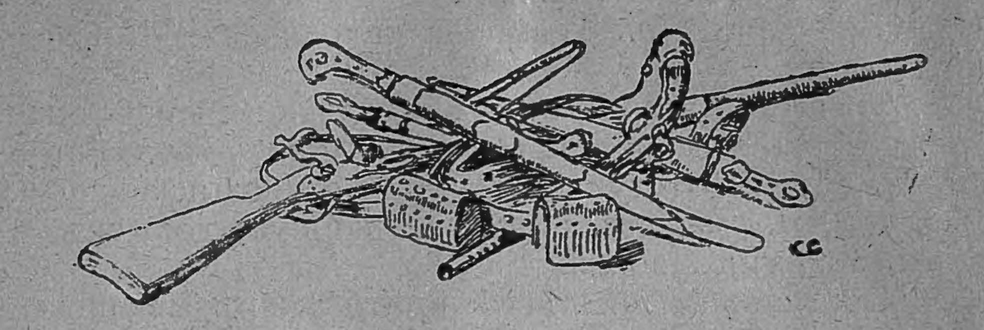
Отдѣльный оттискъ жур. „Офицерская Жизнь".

ВАРШАВА.
Варшавская Эстетическая Типографія.
Велькая, 25.

1911.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
992227

Бой подъ Ляндянсяномъ.

11—13 августа.

Августъ 1904 г. былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ кровавыхъ мѣсяцевъ Русско-Японской войны.

Столкновенія происходили и на морѣ, и на сушѣ.

Къ началу августа русская армія была уже значительна по численности, и распредѣленіе ея силъ, вокругъ укрѣпленнаго Ляояна, ясно указывало, что, въ недалекомъ будущемъ, ожидается большое сраженіе.

Трудно сказать, какія именно были намѣренія генерала Куропаткина, но зная отчасти то, что говорилось и то, что дѣлалось, мнѣ казалось, что было рѣшено встрѣтить японцевъ на позиціяхъ у Таампина, Ляндянсяна и Айсандзяна, нанести имъ здѣсь возможно большія потери, и затѣмъ, отойдя на высоты, окружающія Ляоянъ, дать большое рѣшительное сраженіе.

3-ій Сибирскій армейскій корпусъ занималъ высоты, находящіяся между Чинертунемъ и Ляндянсяномъ.

На высотѣ 300°, самой возвышенной точкѣ пози-

ція, былъ его лѣвый флангъ, и правый флангъ кончался за деревней Кофынцзы.

Къ востоку отъ Таампина находился 10-й армейскій корпусъ.

Изъ штаба арміи часто приходили различныя распоряженія съ указаніями, какъ слѣдовало-бы дѣйствовать въ случаѣ отступленія, а также указывались секторы, которые каждый армейскій корпусъ долженъ укрѣпить вокругъ Ляояна.

Рѣка Танхе и ея лѣвый притокъ врѣзывались въ укрѣпленную позицію 3-го Сибирскаго корпуса и дѣлали центръ ея совершенно обособленнымъ, въ случаѣ разлива рѣкъ; обѣ рѣки соединялись за центромъ и здѣсь расположился бивакомъ штабъ корпуса.

Непрерывные дожди послѣднихъ дней обратили маленькія рѣчки въ бурные потоки, срывавшіе все на своемъ пути.

Мутныя желтыя воды отрѣзали, какъ я предполагалъ, центръ позиціи, а кромѣ того и нашъ штабъ оказался оторваннымъ отъ большей части своихъ войскъ. Положеніе было скверное! Всѣ понимали, что если-бы японцы атаковали насъ при этихъ условіяхъ, то имъ легко удалось-бы захватить центръ, и вся артиллерія, находящаяся въ этомъ секторѣ, была-бы для насъ потеряна, а участь пѣхоты не трудно было предугадать. Эти тяжелыя мысли удручающе дѣйствовали на штабныхъ офицеровъ, и они принялись настойчиво хлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ какихъ нибудь переправъ. Были приготовлены козлы, для постройки двухъ большихъ мостовъ, но установить ихъ не было никакой физической возможности. Пытались устроить переправу на понтонахъ, но и здѣсь ничего не вышло. Вода въ продолженіи нѣсколькихъ дней не признавала никакихъ оковъ, и мы могли только издали видѣть центръ позицій. Однако судьба улыбалась намъ—японцы не переходили въ наступленіе. Наконецъ, саперамъ, при помощи полковъ, удалось установить нѣсколько мостовъ, и сообщеніе было возстановлено.

Только теперь, когда все закончилось благополучно, мы рѣшились подѣлиться другъ съ другомъ всѣмъ пережитымъ въ послѣдніе тяжелые дни.

Первые переправились черезъ Танхе—казаки.

Какъ только мнѣ удалось переправиться черезъ рѣку, я тотчасъ-же отправился со своимъ другомъ—капитаномъ Скоропадскимъ—къ есаулу Григорьеву, котораго, вмѣстѣ съ его сотнею вода нѣсколько дней продержала въ осадѣ. Всѣ были веселы, и много говорилось о прошедшихъ тяжелыхъ дняхъ, о лошадяхъ и фуражѣ, за который щедро расплачивались съ китайцами.

Когда солнце соблаговолило показаться, я предался альпинизму, что особенно подходило мнѣ, какъ моряку. Я изучилъ всѣ тропинки на всемъ протяженіи фронта позиціи нашего корпуса; я взобрался на высоту 300⁰, откуда открывался огромнѣйшій кругозоръ и на хребетъ Фейшулинъ и на долину р. Ляохе. Оттуда мнѣ удалось наблюдать дуэль между батареею X-го корпуса, расположеннаго близъ Таампина и японскою батареею.

На высотѣ 300⁰ былъ батальонъ 21-го Вост.-Сибирск. стрѣлк. полка.

Вѣроятно, артиллерійская прислуга выслѣдила другъ друга и въ видѣ препровожденія времени или упражненія обмѣнивалась нѣсколькими шрапнелями.

При подобныхъ сценахъ въ Маньчжуріи присутствовали совершенно спокойно—попивали чаекъ, весело разговаривали и, расположившись на землѣ, съ биноклемъ въ рукахъ, слѣдили за результатомъ перестрѣлки.

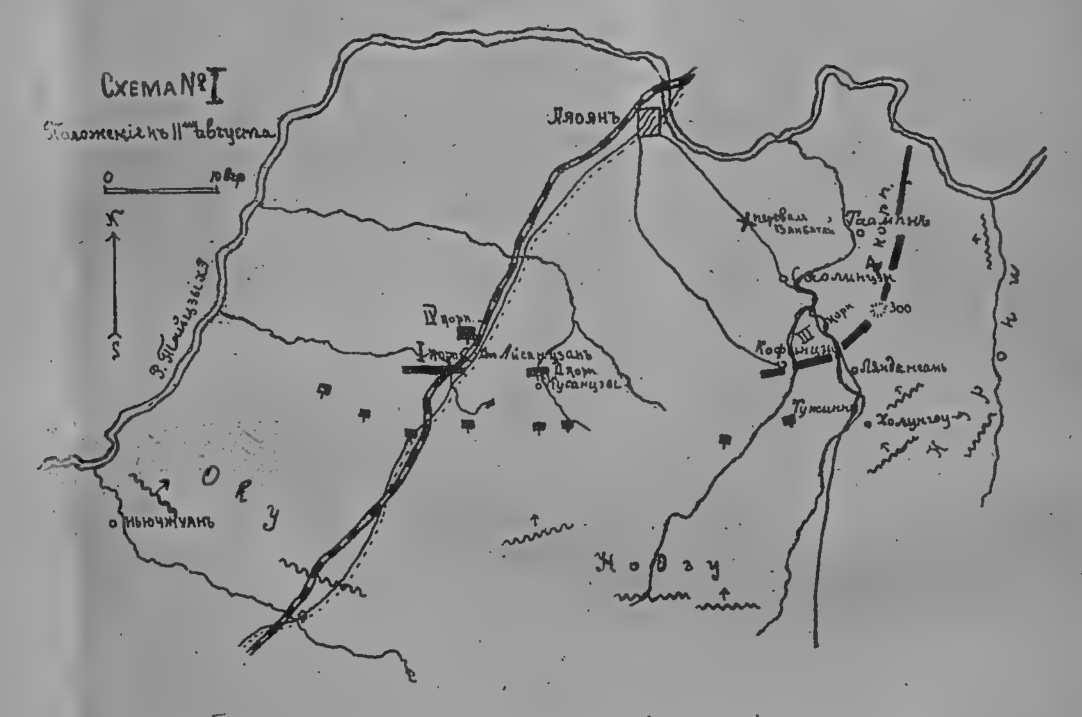
11-го августа Японцы перешли въ наступленіе и наши охотники—отряда полковника Дружинина—едва не были окружены у дер. Тунсинпу. Этимъ столкновеніемъ было положено начало боямъ 12-го, 13-го и 14-го августа, получившимъ общее названіе „Бой подъ Ляндянсяномъ".

Генералъ Ивановъ, только что принявшій 3-й Сибирскій корпусъ, къ началу Ляндянсянскаго боя уже былъ вполнѣ ознакомленъ съ мѣстностью и успѣлъ дать всѣ свои диспозиціи. Послѣднія были особенно интересны, такъ какъ доказывали насколько этотъ генералъ былъ дѣйствительнымъ и ярымъ поклонникомъ всего того, что касалось артиллеріи и насколько была

сильна его вѣра въ орудія, при которыхъ протекла вся его прошлая служба. Онъ считался въ русской арміи однимъ изъ лучшихъ артиллеристовъ.

Теперь я вкратцѣ опишу распредѣленіе русскихъ войскъ и ихъ составъ на позиціяхъ въ Ляндянсянѣ.

Къ моменту начала наступленія арміи Куроки, 3-ій Сибирскій корпусъ имѣлъ съ лѣваго фланга X-ый корпусъ, а съ праваго конный отрядъ генерала Толмачева.

Японцы занимали линію къ востоку отъ высотъ 260° и 270° и Холунчоу. Главная укрѣпленная линія обороны русскихъ была раздѣлена на три сектора. Въ первомъ—правомъ секторѣ были три батальона и 24 полевыхъ орудія, занимавшіе укрѣпленную позицію къ югу отъ Кофынцзы—Чандяопу и Сесигоу. Второй секторъ—генерала Кречинскаго—былъ центральнымъ. Здѣсь было три батальона и 12 полевыхъ орудій, эти силы занимали укрѣпленную позицію къ востоку отъ полковника Лечицкаго до горы, находящейся къ сѣверу отъ деревни Тадензы. Генералъ-маіоръ Даниловъ командовалъ третьимъ секторомъ — къ востоку отъ центральнаго—до высоты 300°, у него было 3¾ батальона, 8 орудій и 3-и сотни.

Передъ главной линіей обороны находился батальонъ, выдвинутый на хребетъ между дер. Тасинтунь и Ляндянсянской долиной. Этому батальону было приказано задерживать противника, стремясь выяснить его численность и направленіе движенія и отступить только при крайней необходимости; послѣ чего присоединиться къ правой группѣ общаго резерва—въ безымянной деревнѣ, находящейся къ сѣверу отъ Кофынцзы.

Лѣвою группой резерва командовалъ генералъ Мардановъ и она находилась въ дер. Танхеянъ, на этапной дорогѣ.

Для того, чтобы слѣдить за правымъ флангомъ и поддерживать связь съ отрядомъ генерала Толмачева, находившимся на крайнемъ правомъ флангѣ, былъ назначенъ отрядъ изъ одного батальона, 11½ сотенъ казаковъ и 4-хъ горныхъ орудій. Этотъ отрядъ находился въ Толинхе подъ начальствомъ Грекова.

Отрядъ полковника Дружинина, состоящій изъ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ, находился въ деревнѣ Тунсинпу, дѣйствовалъ самостоятельно—по особымъ указаніямъ.

Наблюденіе за лѣвымъ флангомъ было поручено одной сотнѣ 2-го Читинскаго казачьяго полка, расположившейся въ долинѣ Танхе къ юго-западу отъ деревни Цегоу. Она имѣла связь съ X-мъ корпусомъ (съ отрядомъ генералъ-маіора Рябинкина).

Уже было сказано, что 11-го августа отрядъ полковника Дружинина былъ почти окруженъ. Мы были тогда въ Чинертунѣ, тотчасъ-же были осѣдланы лошади, а мнѣ удалось получить прекраснаго мула, напоминавшаго мнѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ Бразиліи и незамѣнимыхъ подъ сѣдломъ.

Мы отправились въ Кофынцзы; въ это-же время генералъ Ивановъ приказалъ по телефону 10-му Восточно-Сибирск. стрѣлк. полку, находящемуся къ юго-западу отъ высоты 189°, двинуться впередъ.

Генералъ Грековъ послалъ въ подкрѣпленіе отряда полковника Дружинина сотню, а затѣмъ выдвинулъ батальонъ 24-го Вост.-Сибирск. стрѣлк. полка, и мы съ высотъ у дер. Кофынцзы наблюдали небольшое сраже-

нис казавшееся со стороны эпизодомъ изъ мирныхъ маневровъ.

На высотахъ Кофынцзы я насчиталъ около сорока окоповъ для полевыхъ орудій. Генералъ Ивановъ умѣло использовалъ артиллерію для обезпеченія своего праваго фланга; сорокъ орудій—это такое препятствіе, которое скоро не одолѣешь!

Вскорѣ отъ полковника Дружинина было получено вполнѣ успокоительное извѣстіе. Онъ сообщалъ: „Я занимаю хорошую позицію, отступленіе обезпечено. Часть моихъ солдатъ и я самъ находимся за ѣдою". Вышло, что сраженіе перешло въ спортивное развлеченіе и въ этотъ день можно было не ожидать энергичныхъ дѣйствій.

Къ 5-ти часамъ вечера огонь былъ довольно сильный; надо полагать, что японцы сильно надѣялись, что наша артиллерія обнаружитъ себя; но новый командиръ отряда былъ артиллеристъ и отличный артиллеристъ; онъ не поддался обманчивымъ маневрамъ противника.

Къ вечеру все успокоилось, и каждый остался на занимаемомъ посту. Генералъ Ивановъ, въ сопровожденіи всѣхъ насъ, осмотрѣлъ всѣ полки, находящіеся въ центрѣ. Съ 23-мъ Восточ.-Сиб. стр. полкомъ онъ поздоровался очень сухо, помня его оплошность подъ Янзелиномъ. Прежній командиръ этого полка былъ смѣненъ и во главѣ его теперь находился настоящій солдатъ съ золотымъ сердцемъ—полковникъ Туровъ.

Мы вернулись на бивакъ при лунномъ освѣщеніи. Господи, что за голодъ разбиралъ насъ!

Вечеромъ 12-го августа я имѣлъ спеціальное сраженіе... съ мухами. Мой стратегическій планъ былъ таковъ: зажечь огонь—внѣ палатки, а затѣмъ выгонять на него моихъ непріятельницъ. Въ этотъ вечеръ, однако, этотъ испытанный маневръ, мнѣ не удалось выполнить съ должной аккуратностью, такъ какъ хотѣлось спать, и я даже не смогъ прочесть полученныхъ писемъ, которыя въ порядочномъ количествѣ, наконецъ, дошли до меня послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ путешествія. Я заснулъ и прочитать эту корреспонденцію мнѣ удалось только 15 дней спустя—въ Мукде-

нѣ—по окончаніи Ляоянскихъ боевъ. Что это было за дѣло!

Утромъ 13-го августа насъ разбудили орудійные выстрѣлы. То былъ огонь русскихъ батарей, со стороны Кофынцзы и изъ центра. Я быстро умылся и надѣлъ свои походные сапоги. Пока я одѣвался, мой товарищъ Павелъ Петровичъ Скоропадскій, всегда устраивавшійся прямо на землѣ—у моей палатки, объявилъ мнѣ, что японцы наступаютъ на нашъ правый флангъ. Изъ разспросовъ удалось узнать, что въ это утро въ боевой линіи находилось 48 полевыхъ орудій и въ резервѣ 16-ть. Сраженіе приняло большіе размѣры, такъ какъ съ самаго утра 21-ый Восточн.-Сибирск. стрѣлк. полкъ уже началъ пополненіе патроновъ. Въ 7 часовъ утра весь фронтъ былъ въ дѣлѣ и обнаружилъ японскія батареи, собранныя главнымъ образомъ къ востоку отъ деревни Тунсинпу. Огонь русскихъ орудій былъ такъ силенъ, что временно прекратилъ стрѣльбу японцевъ. Я вскарабкался на высоту 189⁰, чтобы видѣть то, что происходило. Вскорѣ пріѣхалъ генералъ Ивановъ—онъ уже разослалъ въ каждый изъ секторовъ своихъ лучшихъ офицеровъ съ приказаніемъ доносить ему каждые полчаса о ходѣ дѣла и такимъ образомъ дополнять донесенія по телефону начальниковъ секторовъ. Дѣло становилось серіознымъ, и мои предположенія о планѣ дѣйствій оправдались. Войсковые обозы получили приказаніе отойти къ Ляояну. Можетъ показаться страннымъ, что я позволяю себѣ критиковать, и хотя я вполнѣ понимаю, что это было единственнымъ благоразумнымъ планомъ, но не могу не воскликнуть: „ахъ, эта оборонительная болѣзнь". Съ началомъ боя отъ генерала Куропаткина была получена телеграмма, о которой я не могу умолчать. Онъ телеграфировалъ: „Надѣюсь, что сегодня 23-й Восточ.-Сибирск. стрѣлк. полкъ загладитъ заслуженную 18-го іюля репутацію". Эта телеграмма не могла быть иначе понята солдатами какъ упрекъ, но въ то-же время она была для нихъ хорошимъ поощреніемъ и добрымъ предзнаменованіемъ его новому командиру.

Русская артиллерія продолжаетъ свой смертонос-

ный огонь. Нѣсколько разъ японскія батареи замолкали, это заставляло предполагать полный ихъ разгромъ, но это былъ лишь маневръ хитраго врага, такъ какъ въ моментъ, когда менѣе всего ожидалось, онѣ вновь возобновляли самый интенсивный огонь противъ праваго нашего фланга.

Въ 4-е часа вечера японцы уже не были такъ энергичны, и бой началъ затихать.

Генералъ Ивановъ отправился къ центральной батареѣ и 23-му Вост.-Сибирск. стрѣлк. полку.

Приближаясь къ линіи огня, я встрѣтилъ Скоропадскаго, хотя онъ и былъ веселъ передъ началомъ боя, а все таки оставилъ мнѣ, на всякій случай, адресъ жены и дяди. Теперь этотъ добрый другъ подошелъ ко мнѣ грустный и показалъ мнѣ осколокъ, въ видѣ чаши, разорванной японской шрапнели, упавшей близь него. Онъ отвелъ меня въ сторону и указалъ на то, что было вырѣзано на днѣ этой чаши. Это были буквы С. П. Б. т. е. С.-Петербургъ. Это были настоящія русскія шрапнели, которыми стрѣляли въ насъ японскія батареи изъ окрестностей деревни Эрдахе. Видно, что японцы стрѣляли изъ русскихъ орудій, взятыхъ, надо полагать, подъ Тюренченомъ и оставленныхъ тамъ вмѣстѣ съ передками.

Почему-же изъ нихъ не были вынуты затворы!

Больно и тяжело видѣть, какъ падаютъ люди подъ огнемъ своихъ-же собственныхъ снарядовъ.

Находясь близь центральныхъ батарей, я видѣлъ, какъ они пополнялись снарядами. — Отъ зарядныхъ ящиковъ ихъ подвозили на спинахъ лошадей; каждая лошадь несла по двѣ металлическихъ клѣтки—по одной съ каждой стороны сѣдла. Клѣтки были связаны ремнями и лошадь безъ всякаго труда поднимала 8 снарядовъ. Эта система переноски была очень проста и остроумна.

Къ заходу солнца ничто не измѣнилось на фронтѣ: русскіе продолжали оставаться въ своихъ окопахъ, и генералъ Ивановъ рѣшилъ вернуться на бивакъ. Я также возвратился обратно, выкупался и съ освѣженной головой сѣлъ за свое писаніе.

13-го августа, въ 5 часовъ утра, снова началась

перестрѣлка, и я, въ сопровожденіи своего коннаго стрѣлка, вновь забрался на высоту 189⁰. Японскій маневръ предыдущаго дня былъ ничѣмъ, инымъ, какъ демонстраціей артиллеріи, чтобы точно опредѣлить расположеніе русскихъ батарей и ихъ число.

Въ продолженіи ночи 16 орудій, находившихся въ резервѣ, были выдвинуты; такъ что теперь вся полевая артиллерія 3-го Сибирскаго корпуса должна была принять участіе въ бою.

Японская пѣхота, укрываясь въ гаолянѣ, придвинулась черезъ равнину къ нашему правому флангу.

На вершинѣ вмѣстѣ со мною находился—наблюдатель—офицеръ-артиллеристъ, который, пересчитавъ японскія орудія, увѣрялъ меня, что ихъ больше шестидесяти.

Сегодня былъ настоящій бенефисъ 1-ой батареи 3-ей Восточн.-Сибирск. стрѣлк. артил. бригады. Японцы засыпали-бы ее пудами свинца, если-бы только ихъ шрапнели рвались передъ русской батареей, а не надъ ней, какъ это было на самомъ дѣлѣ въ теченіе почти цѣлаго дня.

Русскимъ неустрашимымъ канонирамъ, несмотря на ураганъ японскихъ снарядовъ, удавалось продолжать стрѣльбу, нанося не малый вредъ противнику. Однако, нѣсколько японскихъ выстрѣловъ оказались дѣйствительными, и къ вечеру всѣ офицеры были ранены или контужены. Остался невредимымъ только одинъ поручикъ Соколовскій.

Постараюсь, хоть вкратцѣ, описать картину, развернувшуюся передъ моими глазами въ то время, какъ я, сидя въ окопѣ на высотѣ 189⁰, торопливо дѣлалъ замѣтки въ своей записной книжкѣ. Вправо отъ насъ виднѣлась сопка, страшной крутизны, на которой было 8 русскихъ орудій, а далеко впереди темнѣло ущелье, изъ котораго неслись японскіе снаряды нѣсколькихъ батарей. Бѣлыя облачки дыма непрерывно появлялись, то передъ орудіями, то надъ нами, то иногда вдругъ выростали между самими орудіями; наконецъ они слились въ общій клубъ дыма, и казалось, что это курится вулканъ. Шумъ выстрѣловъ слился въ общій гулъ. Это была страшная дуэль не на жизнь, а на смерть.

Мнѣ казалось, что я читалъ мысли людей, находящихся тамъ при этихъ орудіяхъ; для нихъ было важно только то, чтобы уничтожить того именно врага, который находился передъ ними, а прійдетъ-ли еще другой справа или слѣва имъ не было до этого никакого дѣла. Мы же, оставаясь безучастными зрителями, жили одной жизнью съ горстью неустрашимыхъ русскихъ артиллеристовъ и безумно радовались каждому ихъ удачному выстрѣлу. Вотъ, что говорила замѣтка въ моемъ дневникѣ объ этой кровавой дуэли: „1-ая батарея 3-ей Восточ.-Сибирск. стрѣлк. артил. бриг. представляетъ настоящій адъ; снаряды рвутся надъ головами, пули вырываютъ изъ строя лошадей и людей. Сила японскаго огня производитъ потрясающее впечатлѣніе. У насъ, стоящихъ такъ далеко отъ этого ада и остающихся лишь зрителями, захватываетъ дыханіе". Въ 10 час. 20 минутъ утра, въ виду огромнѣйшаго расхода снарядовъ, должны были быть подвинуты артиллерійскіе парки, и я видѣлъ приближеніе двухъ изъ дер. Сяолинцзы. Иногда шрапнели, направленныя въ центръ, долетали и до насъ, и я лишь изрѣдка высовывалъ голову изъ окопа, чтобы запечатлѣть весь ходъ боя.

Храбрый генералъ Келлеръ поплатился жизнью, чтобы поднять духъ войскъ, а мнѣ-то нечего было рисковать и подвергаться опасности, выставляясь напоказъ.

Генералъ Ивановъ лично управлялъ стрѣльбою всѣхъ батарей, при посредствѣ телефоновъ. Русскій огонь былъ главнымъ образомъ сосредоточенъ на высотахъ близь дер. Тунсинпу. Ходили слухи, что 24 горныхъ орудія были брошены на этихъ высотахъ, чему виной былъ мѣткій огонь русскихъ батарей. Слухъ этотъ подтвердилъ и полковникъ Лечицкій.

Повидимому успѣхъ былъ на сторонѣ русскихъ.

Въ 11½ часовъ утра насталъ перерывъ боя. Мнѣ кажется, что обѣ стороны почувствовали голодъ и каждый, кто имѣлъ кусокъ хлѣба или горсть рису (вареного), старался утолить его, забывая о находящемся передъ нимъ противникѣ.

У русскихъ даже задымились ихъ походныя кух-

ни. Не обращая вниманія на огонь „макакъ" (такъ русскіе солдаты прозвали японцевъ), люди подносятъ котелки съ супомъ прямо въ окопы.

Лишній разъ я убѣдился въ пользѣ этихъ, незамѣнимыхъ кухонь на колесахъ. Во время быть накормленнымъ это большой плюсъ въ бою. Одни отдыхали, а другіе продолжали свое дѣло.

Госпиталя стали наполняться. При помощи двуколокъ подвозились раненые, покорно молчавшіе и мечтавшіе, вѣроятно, о прекрасныхъ санитарныхъ поѣздахъ и, откровенно сказать, о недѣляхъ и мѣсяцахъ отдыха въ Харбинѣ въ постели или въ саду въ широкихъ желтыхъ халатахъ и хорошихъ удобныхъ туфляхъ, вмѣсто искривленныхъ, жесткихъ и тяжелыхъ сапогъ.

Послѣ завтрака вернулись къ дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ къ безпощадному огню.

Въ 12 ч. 45 м. дня я замѣтилъ взводъ японцевъ близъ лѣска впереди и къ западу отъ Кофынцзской позиціи. Это была японская пѣхота, приблизившаяся къ рѣкѣ и приготовляющаяся къ рѣшительной атакѣ нашего праваго фланга. Это все небольшія группы людей, за которыми я слѣдилъ съ волненіемъ и вниманіемъ черезъ свой старый морской бинокль. Вдругъ группа солдатъ быстро выскочила изъ гаоляна, перебѣжала открытое мѣсто, затѣмъ рѣчку и скрылась въ расщелинѣ лѣваго берега. Показалась другая группа—меньшая по численности; люди бѣгутъ и соединяются въ другомъ, заранѣе назначенномъ мѣстѣ близъ большого дерева и тоже исчезаютъ изъ виду. Перебѣжка продолжается, и мы ее видимъ отлично, такъ какъ находимся на высотѣ. Но тамъ—внизу—русскіе солдаты, видятъ-ли они ее? Генералъ Ивановъ приказываетъ открыть огонь по этой пѣхотѣ, но высокій гаолянъ не позволяетъ хорошо разглядѣть эти мелкія, раздѣльныя и быстро движущіяся цѣли, благодаря чему стрѣльба русской артиллеріи мало дѣйствительна.

Какъ только японская артиллерія поняла, что наша артиллерія занялась ея пѣхотой, тотчасъ-же усилила, до полнаго напряженія, свой огонь противъ русскихъ батарей и сосредоточила его противъ бата-

рей праваго фланга. Казалось, что находишься въ преисподней. Я имѣлъ возможность наглядно убѣдиться, насколько тѣсно связана работа артиллеріи и пѣхоты въ бою. Чувствовался одинъ управляющій импульсъ и оба рода войскъ шли дружно—рука объ руку, преслѣдуя одну и ту-же цѣль—пробить брешь въ расположеніи врага. Японская пѣхота, не давая намъ своими искусными перебѣжками узнать ея численность, перешла рѣку; затѣмъ одно время совершенно скрылась и, наконецъ, растянулась цѣпью передъ нашими окопами праваго фланга, укрываясь гаоляномъ. Способъ наступленія японцевъ не былъ для меня новинкой; они дѣлали то, что дѣлали въ мирное время, и что мнѣ удалось видѣть въ бытность мою въ Шанхай-гуанѣ.

Каждый японскій солдатъ, который наступаетъ, знаетъ уже заранѣе, куда онъ долженъ стремиться и куда онъ долженъ дойти во что-бы то ни стало. Онъ умѣетъ использовать всѣ благопріятныя условія мѣстности для укрытія; онъ пойдетъ быстро, или насколько возможно быстро, смотря по надобности, никогда не обернется, чтобы посмотрѣть слѣдуютъ ли за нимъ другіе и всѣ ли въ сборѣ и не остановится чтобы помочь Иванову, Семенову, раненому въ ногу. Онъ только думаетъ о себѣ, внимательно слушая команду офицера или-же слѣдя за знаками его сабли.

Онъ идетъ впередъ съ полною увѣренностью остаться живымъ, чтобы дойти до врага и съ возгласомъ: „банзай" ринуться на него. Я видѣлъ много разъ атаку японской пѣхоты и каждый разъ она напоминала мнѣ туманъ Ламаншскаго канала, несущійся навстрѣчу распущеннымъ парусамъ; онъ останавливается тамъ, гдѣ холстъ цѣлъ, но проходитъ сквозь отверстія и швы парусовъ, у рей, проходитъ вездѣ, гдѣ только находитъ путь для своего стремительнаго движенія впередъ; онъ охватываетъ своими мягкими объятіями мачты, реи, паруса и наконецъ скрываетъ ихъ отъ глазъ. Японская пѣхота медленно продвигается впередъ; она, какъ-бы нащупываетъ непріятельскій фронтъ, войсковые фланги позицій и наиболѣе слабые ея пункты и, найдя ихъ, собирается вблизи, затѣмъ стре-

мительно двигается впередъ и, наконецъ, прорываетъ линію противника и окружаетъ его. Сами русскіе часто признавали, что дѣйствія японской пѣхоты можно считать образцовыми.

Возвратимся къ сраженію.

Послѣ 12-ти часовъ переправилась черезъ рѣку еще часть японской пѣхоты, и какъ первая исчезла въ гаолянѣ. Эта пѣхота дѣйствовала не вполнѣ активно, такъ какъ имѣла, какъ оказалось, на это свои причины. Вскорѣ получилось донесеніе, что японская колонна, значительной силы, стремится окружить крайній правый флангъ корпуса. Но эта попытка японцамъ не удалась—она была парирована двинутымъ на этотъ флангъ полкомъ XVII-го армейскаго корпуса, подъ командой полковника Мартынова—Зарайскимъ пѣхотнымъ полкомъ и отрядомъ полковника Дружинина.

Въ $5^1/_2$ час. начался ужасный ливень.

Генералъ Куропаткинъ изъ Ляояна не разъ справлялся о происходившемъ на фронтѣ сраженіи и о томъ, по какимъ дорогамъ войска корпуса будутъ отступать, когда получатъ на это приказаніе.

Въ лѣвомъ секторѣ—Восточномъ—сраженіе не было ожесточеннымъ: японцы подвигались подъ прикрытіемъ лѣса и имъ удалось взять одинъ изъ передовыхъ окоповъ, но 21-й Восточн.-Сибирск. стрѣлковый полкъ ихъ быстро выбилъ, и они отступили. Въ 6 часовъ двѣ батареи 35 артиллерійской бригады выдвинулись въ Кофынцзскую долину и открыли огонь по японской пѣхотѣ, которая, какъ я видѣлъ, уже въ третій разъ переходила рѣку вбродъ. Стала чувствоваться необходимость въ новомъ запасѣ снарядовъ.

Около 7 часовъ вечера мы всѣ, т. е. я и офицеры штаба корпуса, были окутаны густымъ туманомъ.

Справа сраженіе прекращается и только слѣва, въ направленіи высоты 300⁰, продолжается ружейная перестрѣлка; тамъ, какъ я послѣ узналъ, японская пѣхота двигалась впередъ въ туманѣ, причемъ, чтобы обмануть русскихъ, говорила по русски.

Я былъ пораженъ, когда услышалъ, что японцы

отлично знали изъ какого полка были стрѣлки, защищавшіе эту высоту.

Къ заходу солнца, котораго впрочемъ не было видно, сраженіе можно было считать законченнымъ на этотъ день. Вечеромъ мнѣ удалось видѣть осколки шимозы (японская граната), вынутые изъ тѣла солдата: они походили на кусочки расплавленнаго чугуна. Эти гранаты производятъ очень сильный взрывъ, разрываются на мелкіе кусочки и распространяютъ при этомъ желтые ядовитые газы—очень вредные для дыханія. 13-ое августа было днемъ сраженіе не только для 3-го Сибирскаго корпуса, такъ какъ слѣва отъ него Х-й корпусъ былъ также атакованъ японцами. Здѣсь японцы маневрировали своей артиллеріей и удачными ея дѣйствіями, совмѣстно съ храброй фронтальной атакой пѣхоты, захватили рядъ окоповъ на лѣвомъ флангѣ Х-го корпуса. Баронъ Бильдерлингъ, командовавшій всей Восточной группой, съ горечью узналъ, что Х-й корпусъ отступилъ, оставивъ на полѣ сраженія шесть полевыхъ орудій; единственнымъ его утѣшеніемъ было то, что наши сибиряки въ ночь на 14-ое августа спокойно оставались въ своихъ окопахъ, ожидая новаго солнца для того, чтобы вновь побѣдоносно отбить всѣ японскія атаки.

Ночью были розданы въ большомъ количествѣ боевые запасы во всѣ секторы.

Въ 12 часовъ ночи съ 13-го на 14-ое августа генералъ Куропаткинъ приказалъ Х-му корпусу отступить къ Ляоянскимъ позиціямъ.

Огромная прибыль воды въ рѣчкахъ, отъ бывшихъ ливней, являлась опасной въ случаѣ несвоевременнаго отступленія.

Въ южной группѣ войскъ, расположенной въ шахматномъ порядкѣ, также было сраженіе, выдержанное, главнымъ образомъ, II-мъ Сибирскимъ корпусомъ, и тутъ японскія атаки были отбиты, но ночью II-й Сибирскій корпусъ получилъ приказаніе отступить къ тѣмъ-же Ляоянскимъ позиціямъ.

Въ Чинертунѣ, гдѣ былъ бивакъ нашего штаба, все было спокойно. Мы, какъ обыкновенно, поужинали и легли спать въ ожиданіи грядущихъ событій. Въ

часъ ночи я услышалъ движеніе близъ моей палатки и понялъ въ чемъ дѣло—нужно было уходить, и какъ всегда, не теряя ни минуты времени, я зажегъ свѣчу и быстро поднялся; въ это-же время Скоропадскій, просунувъ голову въ отверстіе палатки, сказалъ мнѣ: „Скорѣе — Куропаткинъ приказалъ немедленно отступать"!

Всѣ работали, разбирая палатки, приготовляя сѣдла и багажъ и все это въ темнотѣ, такъ какъ шелъ сильный дождь. Не могу сказать, чтобы сборы въ такой обстановкѣ были веселыми. Штабныя палатки исчезли въ нѣсколько минутъ. Мы очутились въ сборѣ на площадкѣ, гдѣ за минуту передъ этимъ мирно спали въ своихъ палаткахъ. Вскорѣ я узналъ, что случилось. Нѣсколько офицеровъ, выражая свое неудовольствіе, говорили: „Вотъ войска, которыя кичились передъ нами-Сибиряками!". Х-й корпусъ отступилъ и если мы сейчасъ-же не уйдемъ, то намъ не сдобровать... нашъ лѣвый флангъ вполнѣ открытъ. Были посланы офицеры во всѣ секторы, и генералъ Ивановъ телеграфировалъ всюду, чтобы позицію очищали, а всѣ огнестрѣльные запасы и весь обозъ до восхода солнца находились-бы къ сѣверу отъ дер. Сяолинцзы. Все было прекрасно исполнено и въ половинѣ 7-го утра, спустя всего пять часовъ, вся артиллерія корпуса была спущена съ высокихъ позицій и уже переходила вбродъ черезъ раздувшуюся р. Танхе.

Ни одного шумнаго звука; все ушло въ тишинѣ и полномъ порядкѣ и только аріергардъ остался на горахъ Ляндянсяня. Пѣхота перешла рѣку Танхе близъ Чинертуня, причемъ шли не вереницей, а по взводно. Вода была высока, теченіе сильно и отдѣльные люди сносились-бы теченіемъ. Генералъ Ивановъ присутствовалъ при отступленіи своихъ войскъ до переправы послѣдняго орудія, и только тогда направился къ дер. Сяолинцзы. Японцы не помѣшали нашему отступленію; они и права-то не имѣли предполагать, что мы отступаемъ, такъ какъ въ минувшій день они насъ не только не побили, но дорого поплатились за свои атаки. И дѣйствительно, какъ только начался разсвѣтъ, они открыли огонь по окопамъ у Кофынцзы,

считая ихъ еще занятыми; между тѣмъ какъ послѣднее орудіе уже задолго до этого покинуло этотъ участокъ. Пока мы отступали, саперы подготовлялись къ уничтоженію мостовъ на р. Танхе. Японцы насъ не преслѣдовали, и мы задержались въ деревнѣ Сяолинцзы, выставивъ и здѣсь на высотахъ къ востоку отъ деревни небольшой аріергардъ изъ пѣхоты и артиллеріи. Къ вечеру японцы были хозяевами высоты 300°, и установивъ на ней горныя орудія, начали обстрѣливать восточную часть Сяолинцзской долины. Между тѣмъ, сѣвернѣе дер. Сяолинцзы, въ узкой долинѣ передъ Ванбатайскимъ переваломъ, сбились въ кучу, въ непролазной грязи, войсковые обозы.

Ночь мы провели близъ непріятеля въ дер Сяолинцзы, а утромъ 15-го августа мнѣ пришлось видѣть близъ Вонбатайскаго перевала одну изъ тѣхъ сценъ, которыя нельзя забыть. Казалось, что здѣсь не долина, а адская яма: люди, животныя и фургоны, все это, сбившееся въ одну кучу, въ непролазной грязи, ждало съ нетерпѣніемъ своей очереди—перехода черезъ перевалъ. Въ началѣ перевала находились два генерала и офицеры штаба корпуса, уже всѣ потерявшіе голосъ послѣ цѣлой ночи, проведенной здѣсь, для руководства этимъ труднымъ переходомъ—при свѣтѣ факеловъ. Цѣлыя роты стрѣлковъ оставили оружіе, чтобы помогать изнуреннымъ лошадямъ, подталкивая орудія и передвигая колеса. Эти несчастные люди ободряли другъ друга крикомъ; одежда вся на нихъ была изорвана и въ грязи, а лица — это тоже комъ грязи, въ которомъ свѣтились глаза.

Я видѣлъ здѣсь сестеръ, ухаживающихъ за ранеными солдатиками, лежащими молча, въ неудобныхъ двуколкахъ и терпѣливо ожидавшихъ своей очереди. Вотъ два солдата поставили на землю, конечно въ грязь, носилки, на которыхъ я увидѣлъ вытянутое тѣло съ блѣднымъ и измученнымъ лицомъ,—то была женщина — сестра милосердія въ тифѣ. Оба солдата стояли, наклонившись надъ носилками, и было видно съ какою благодарной заботливостью они старались успокоить и увѣрить ее, что скоро дойдутъ до мѣста. Никто другой не обращалъ вниманія на эту группу,

никого не трогала эта картина, и всѣ равнодушно проходили мимо.

Къ 9 часамъ утра началась стрѣльба орудій нашаго аріергарда. Всего четыре орудія были оставлены при аріергардѣ и они, какъ нельзя лучше пригодились. Присутствіе артиллеріи помогло нашему корпусу вполнѣ благополучно и спокойно отступить—ни одна повозка не была оставлена японцамъ.

То рысью, то галопомъ я добрался до Ляояна, чтобы получить свѣдѣнія о дѣйствіяхъ другихъ корпусовъ и не могъ не удивиться, увидя на улицахъ китайскую полицію. Что означала эта новость. Къ вечеру я опять былъ на бивакѣ нашего корпуса между своими друзьями. Я пріѣхалъ во время для того, чтобы присутствовать при эпизодѣ, который должно быть былъ не особенно пріятенъ нѣкоторымъ русскимъ генераламъ. Оказалось, что X-й корпусъ, находившійся къ востоку отъ насъ, оставилъ одну батарею на высотѣ къ сѣверо-востоку отъ дер. Сяолинцзы.. Это было весьма печально. Не теряя времени, штабомъ нашего корпуса были отправлены туда капитаны: Скоропадскій и Озерскій; поручики Фонъ-Лангъ и Крутоцкій съ девятой и двѣнадцатой ротами 22-го Вост.-Сибирск. стрѣлков. полка, съ пѣшими охотниками, со второй ротой 10-го Восточн.-Сибирск. стрѣлк. полка и ротою 23-го Восточн.-Сибирск. стрѣлк. полка. Эти храбрые офицеры и солдаты, полные отваги, подвергаясь большой опасности, подошли къ непріятелю и подъ огнемъ его, почти безъ лошадей, на лямкахъ увезли оставленныя орудія и доставили ихъ въ Ванбатай. Такимъ образомъ, батарея другого корпуса очутилась у сибиряковъ—этихъ солдатъ, о которыхъ я слышалъ когда то столько дурного. Я только могу сказать: „да здравствуютъ Восточно-Сибирскіе стрѣлки"!

Ночью штабъ третьяго Сибирскаго корпуса спалъ далеко не хорошо (въ Кавлицунѣ). Войска начали распредѣляться на высотахъ, окружающихъ Ляоянскую равнину. Такъ кончился бой III-го Сибирскаго корпуса подъ Ляндянсяномъ и отступленіе послѣ него. Начинало созрѣвать новое столкновеніе.

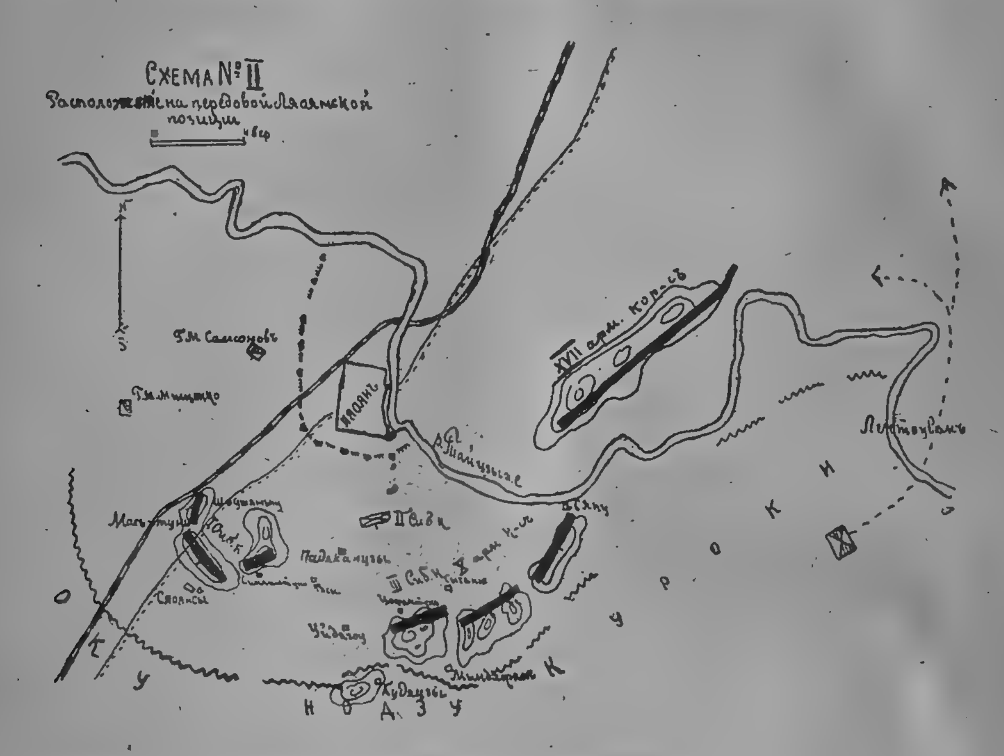
Сраженіе подъ Ляояномъ.

Бои 11, 12 и 13-го августа были какъ-бы предисловіемъ Ляоянскаго сраженія. Маленькій перерывъ, и японцы снова продолжаютъ энергичное наступленіе. 16-го августа они уже у Ляоянскихъ позицій и своей артиллеріей начинаютъ нащупывать наше расположеніе; они, повидимому, хотятъ узнать прежде всего, гдѣ наша артиллерія. Но увы! ихъ попытки были тщетны.

Полковникъ Шверинъ, начальникъ артиллеріи нашего корпуса, заставилъ противника обнаружиться, но не выдалъ расположенія своихъ батарей. Вечеромъ 16-го августа было совѣщаніе начальниковъ для обсужденія дѣйствій слѣдующаго дня. Японцы уже обнаружили двѣ группы своей артиллеріи, и было рѣшено съ утра слѣдующаго дня сосредоточить по нимъ огонь не только артиллеріи нашего корпуса, но и сосѣдняго X-го, занявшаго позицію къ востоку отъ насъ. Ночь прошла довольно спокойно для меня, находившагося далеко отъ штабной фанзы; но въ ней потратили много стеарина; строча, приказы, приказанія, телефонограммы и телеграммы въ ожиданіи надвигающагося боя.

Ляоянъ находился въ центрѣ поля сраженія. Въ окрестныхъ деревняхъ находились парки, подвижные госпиталя, полевыя хлѣбопекарни и дивизіонные обозы. 17-го августа, въ 3 часа утра, я верхомъ еще разъ изслѣдовалъ мѣстность на линіи передовыхъ окоповъ и въ направленіи къ 1-му Сибирскому корпусу. Въ 5 ч. 45 м. утра, прежде чѣмъ окончить мой объѣздъ, я слышу первые ружейные залпы на западѣ и галопомъ мчусь къ дер. Тацзыинъ. Черезъ пять минутъ я уже при своемъ штабѣ. Первая японская шрапнель разрывается надъ окопами нашего корпуса, и постепенно сраженіе захватываетъ весь фронтъ. Въ X-мъ корпусѣ заговорила артиллерія; она начала состязаніе съ 24-хъ орудійной группой, расположившейся въ направленіи на дер. Кудядзы. Въ нашемъ корпусѣ на всемъ фронтѣ идетъ наступленіе японской пѣхоты. Опасаясь прорыва черезъ Мыпляфанское ущелье (гра-

ница между расположеніемъ Х-го и III-го Сибирскаго корп.), оборона его поручается начальнику 3-й Вост.-

Сибирск. стрѣлк. дивизіи генералу Кашталинскому

Японцы начинаютъ тѣснить правый флангъ Х-го корпуса, сзади высылаются нѣсколько баталіоновъ и мортирная батарея и они отбиваютъ атаку японцевъ. Въ Тадзыинѣ у всѣхъ много дѣла. Штабная машина работаетъ полнымъ ходомъ и работаетъ вполнѣ успѣшно. На нашемъ фронтѣ полное напряженіе, и мнѣ кажется, что именно съ нашей стороны японцы рѣшили пробить себѣ брешь въ Ляоянъ.

Завтра большой праздникъ въ Японіи, и, вѣроятно, они хотятъ послать Микадо хорошую телеграмму изъ Ляояна. Японская атака энергичнѣе всего передъ высотами Цофантуня Японцы стараются обойти нашъ правый флангъ, но генералъ Ивановъ, оставившій въ резервѣ часть артиллеріи, выдвигаетъ 4-е батареи за правый флангъ и приказываетъ имъ занять позицію уступомъ южнѣе деревни Падяканцзы. Батареи быстро занимаютъ позицію и открываютъ огонь. Японская артиллерія градомъ снарядовъ засыпаетъ бата-

реи нашего лѣваго фланга. Въ 7 часовъ утра огонь японцевъ достигъ страшнаго напряженія, вѣроятно, они, не смотря на затрудненія, выдвинули большое количество пушекъ и теперь сыпятъ снаряды, не зная экономіи. Какъ и подъ Ляндянсяномъ, японскіе шрапнели рвутся за батареями, благодаря чему страдаютъ отъ нихъ, главнымъ образомъ, люди, подносящіе снаряды изъ зарядныхъ ящиковъ, находящихся въ тылу батарей—за гребнемъ.

Нѣкоторые снаряды рвутся даже передъ нами, осыпая пулями пустое поле гаоляна.

Печальная вереница раненыхъ потянулась съ $7^1/_2$ часовъ утра. Къ этому-же времени генералъ Куропаткинъ выслалъ 3-му корпусу въ подкрѣпленіе Бугульминскій полкъ, который я всегда называлъ полкомъ бородачей, такъ какъ, пополненный старыми запасными, онъ казался толпой сѣрыхъ мужичковъ, а не воинской частью. Этотъ полкъ сталъ у дер. Цофантунь и присоединился къ правой группѣ резерва. Деревня Тацзыинъ находилась въ ямѣ, и наблюдать оттуда, за развертывающимся боемъ было почти невозможно. Генералъ Ивановъ приказалъ построить родъ мостика изъ досокъ на большомъ деревѣ и оттуда сталъ вести свои наблюденія. Атака японской пѣхоты на нашъ правый флангъ становится все энергичнѣе. Эти маленькіе солдаты находятся уже не далеко отъ двухъ русскихъ батарей, зарывшихся въ окопахъ южнѣе д. Цофантунь; тамъ находятся мои друзья-артиллеристы, знакомые по Шанхай-Гуаню, съ которыми я раздѣлялъ всю тяжесть жизни въ забытомъ Богомъ и людьми уголкѣ Маньчжуріи, во время ея окупаціи. На ихъ орудія японскіе стрѣлки шлютъ адскій огонь, и мнѣ казалось, что я никогда больше не увижусь съ этими хорошими и веселыми людьми.

Батереи полковника Криштафовича, высланныя къ дер. Падякандзы изъ резерва, совершенно скрытыя гаоляномъ, вполнѣ безнаказанно выпускаютъ снарядъ за снарядомъ и разстрѣливаютъ японскую пѣхоту, атакующую правый флангъ корпуса; всѣ попытки японской артиллеріи найти эти батареи ни къ чему не приводятъ—ни одна граната не разры-

вается возлѣ нихъ, 3-ья батарея 6-й Вост.-Сибирск. стрѣлк. артил. бриг. на крайнемъ правомъ флангѣ несетъ страшныя потери, заставившія оставить на позиціи лишь два орудія, изъ которыхъ оставшаяся въ живыхъ прислуга стрѣляетъ картечью. Японская пѣхота подошла на 400—500 шаговъ и разстрѣливаетъ ихъ почти въ упоръ.

Бой идетъ непрерывно весь день: японцы ведутъ атаку за атакой, но не могутъ сломить стойкости русскихъ бойцовъ. Артиллерійскіе парки съ трудомъ успѣваютъ пополнять расходъ патроновъ. Тратятся сотни пудовъ стали, чугуна и свинца. Въ 10 часовъ положеніе дѣлъ стало выясняться: японцы атакуютъ весь фронтъ, но прорваться къ Ляояну стремятся не черезъ Мындяфанское ущелье, а въ направленіи Уйдягоу.

У меня не хватаетъ времени, чтобы все видѣть. Куда ни взгляну—всюду вижу отчетливо бѣлыя облачки непріятельскихъ шрапнелей, но мое вниманіе невольно останавливается на тылѣ позиціи батарей лѣваго нашего фланга. Я нахожусь близъ нихъ, солдаты вынимаютъ изъ зарядныхъ ящиковъ клѣтки со снарядами, взваливаютъ ихъ на спины лошадей и спокойно взбираются къ самимъ батареямъ. Не проходитъ и десяти минутъ, чтобы лошадь или солдатъ не были поражены; они или остаются на мѣстѣ, или скатываются по склону, чтобы уже больше не встать, но иногда и лошадь, и вожатый встаютъ и вновь продолжаютъ свой путь.

Несчастные люди! Почему-же они не перемѣнятъ дороги? Вѣроятно, имъ не позволяетъ этого сдѣлать этотъ ужасный русскій характеръ — они хотятъ, они должны показать, что они ничего не боятся и какъ ни въ чемъ не бывало идутъ туда и обратно одной и той-же дорогой. Какая польза въ вашей безумной отвагѣ? Мы знаемъ, что вы неустрашимы, но знаемъ и то, что вы далеко отъ родины, и что ряды ваши трудно пополнить. Вашъ долгъ уничтожать непріятеля, а не подвергать безъ нужды свою жизнь опасности. Есть въ Маньчжуріи вещи, которыя я не могу понять. Не лучше-ли было-бы приказать этимъ сол-

датамъ идти лѣвѣе или правѣе. Дѣло отъ этого ничего-бы не потеряло, а люди и лошади были-бы въ безопасности. Меньше храбрости и больше практичности! Да послужитъ это урокомъ въ будущемъ!

Вернусь опять къ записной книжкѣ—къ замѣткамъ, сдѣланнымъ во время сраженія. $11^1/_2$ часовъ утра. Донесеніе справа извѣщаетъ генерала Иванова, что 3-я батарея 6-й Вост.-Сибирск. стрѣлк. артил. бригады потеряла 75% своей артиллерійской прислуги. Ружейный огонь съ этой стороны ожесточеннѣе, чѣмъ слѣва. Въ 12 часовъ, какъ всегда, насталъ періодъ полуспокойствія. Я галопомъ отправился къ резервамъ и пересчиталъ въ Цофантунѣ семь баталіоновъ, изъ которыхъ шесть не принадлежали 3-му Сибирскому корпусу.

Въ Тацзыинъ прибыли въ большомъ числѣ санитарныя двуколки; онѣ очень и очень были необходимы.

Я часто смотрю на генерала Иванова, который стоитъ на своей вышкѣ и, почти не отрываясь, смотритъ въ бинокль.

Время отъ времени онъ дѣлаетъ крестное знаменіе, а затѣмъ молча продолжаетъ слѣдить, за развертывающейся передъ его глазами картиной.

Около часу дня пошелъ небольшой дождь.

Русскія войска продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ, и становилось вполнѣ яснымъ, что японцамъ не удастся прорвать себѣ желанную брешь въ раіонѣ 3-го Сибирскаго корпуса. Причиной тому былъ разумный маневръ, исполненный 4-мя батареями полковника Криштафовича, продолжавшими безнаказанно разстрѣливать японскую пѣхоту близь Уйдягоу. Эта пѣхота должна была отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія и залечь въ гаолянѣ, неся страшныя потери. Въ $3^1/_2$ часа дня японцы произвели вновь отчаянную атаку на нашъ правый флангъ; генералъ Ивановъ послалъ туда въ подкрѣпленіе баталіонъ, и атакующіе были еще разъ отброшены. До ночи въ сѣренькой дождливой атмосферѣ японская пѣхота еще четыре раза бросалась въ атаку на высоты у дер. Цофантунь и дер. Уйдягоу, но всѣ ея усилія оказались тщетными.

Сотни японцевъ сложили свои головы, но всѣ ихъ атаки были отбиты. Передъ заходомъ солнца, генералъ Ивановъ приказалъ всѣмъ полкамъ и батареямъ сдѣлать общую демонстрацію, открывъ сильнѣйшій огонь, не особенно даже заботясь о вѣрномъ прицѣлѣ, а просто для того, чтобы дать понять японцамъ, что мы еще находимся на своихъ мѣстахъ и ни въ чемъ не чувствуемъ недостатка и готовы на слѣдующій день встрѣтить ихъ такимъ-же образомъ.

Настала ночь, и бой затихъ.

Того, что было—было слишкомъ и для японцевъ, и они повидимому уже не были въ состояніи продолжать эту слишкомъ дорого стоящую игру.

Генералъ Ивановъ спустился со своего дерева—(вышки) и, казалось, по виду былъ очень доволенъ. И онъ былъ правъ. Блестящій маневръ батарей Криштафовича — спасъ въ этотъ день 3-й Сибирскій корпусъ и, на мой взглядъ, даже и весь Ляоянъ, такъ какъ японцы близъ Уйдягоу могли считать себя уже ворвавшимися внутрь оборонительнаго пояса.

Въ 7 часовъ вечера японскія батареи еще стрѣляли по батареямъ нашего лѣваго фланга, а въ $8^1/_4$ часовъ орудія уже въ темнотѣ послали свои прощальные снаряды—затѣмъ все смолкло. Сибирскіе стрѣлки остались въ своихъ окопахъ, истомленные и изнуренные голодомъ, но не побѣжденные.

Я бросился въ чемъ былъ одѣтъ цѣлый день, на канъ въ китайской фанзѣ и, прежде чѣмъ заснуть, подумалъ: послѣ такого дня, какъ этотъ, каждый солдатъ и въ особенности этотъ терпѣливый и молчаливый русскій солдатъ имѣетъ право на уваженіе и благодарность его родины, на защиту которой онъ принесъ свою жизнь.

Прежде чѣмъ описывать второй день сраженія при Ляоянѣ, мнѣ слѣдуетъ вкратцѣ описать то, что произошло въ другихъ участкахъ поля сраженія. Слѣва отъ 3-го Сибирскаго корпуса находился X-й корпусъ, который дрался въ продолженіи почти всего дня, имѣя не мало дѣла на своемъ правомъ флангѣ, гдѣ приходилось отбивать непрерывныя атаки японцевъ противъ высоты 148. Послѣ 12 часовъ онъ при-

бѣгъ къ помощи мортирной батареи, поставленной у ущелья Мындяфанъ.

Всѣ атаки японцевъ были отбиты и къ вечеру X-й корпусъ оставался на своей позиціи. Справа отъ 3-го Сибирскаго корпуса находился въ резервѣ 2-й Сибирскій корпусъ, который выслалъ ему подкрѣпленіе для обезпеченія праваго фланга со стороны Уйдягоу.

Правѣе 2-го Сибирскаго корпуса, въ южномъ участкѣ сражался 1-й Сибирскій корпусъ; бой у него начался въ $5^{1}/_{2}$ часовъ утра и японцы атаковали главнымъ образомъ правый его флангъ, стараясь охватить его; но генералъ Куропаткинъ послалъ въ эту сторону большія подкрѣпленія, и японскія атаки опять были отбиты.

Японцы передъ разсвѣтомъ атаковали центръ и правый флангъ нашего корпуса. Я съ трудомъ открылъ глаза, поднялся и ощупью вышелъ изъ моей фанзы. Страдный день былъ начатъ. Не могу сказать точно, началось-ли такъ рано преднамѣренное сраженіе или это была вспышка боя, вызванная какими нибудь случайными выстрѣлами передовыхъ линій, утомленныхъ и нервированныхъ минувшимъ днемъ.

Былъ уже восьмой день боя, маршей и дождя— солдаты имѣли право быть нервными и усталыми. „Рѣшительная японская атака будетъ въ 11 часовъ"— вотъ извѣщеніе, полученное изъ главной квартиры. Японцы хотѣли во что бы то ни стало взять Ляоянъ. Что касается насъ, то мы готовились отбивать ихъ атаки и помню, что утромъ близъ Тадзыина, у насъ было до пятидесяти патронныхъ двуколокъ съ 14,400 патрон. каждая, 8,400 патроновъ для полевыхъ орудій, сложенные на землѣ, а въ тылу три артиллерійскихъ парка съ 5,400 патроновъ каждый. Въ 5 час. 50 мин. утра артиллерійскіе выстрѣлы присоединились къ ружейной трескотнѣ и я, какъ и другіе, почувствовалъ себя въ аду. Наша артиллерія была уже не та, что наканунѣ; батареи при Цофантунѣ понесли тяжелыя потери, а 3-я батарея 6-й Вост.-Сибирск. бриг. выбыла изъ строя.

Какъ только загорѣлось артиллерійское состязаніе;

я невольно опять обратилъ вниманіе на тылъ батареи нашего лѣваго фланга, туда, гдѣ наканунѣ пало столько людей и лошадей. И что-же? Картина не измѣнилась. Меня брала даже злость, что я долженъ быть нейтральнымъ, долженъ молчать и только съ записной кижкой дѣлиться тѣмъ, что я испытывалъ.

Въ шесть часовъ ружейный огонь особенно усилился на правомъ флангѣ. Я замѣтилъ необычайное движеніе между офицерами штаба корпуса, видѣлъ какъ разсматривались карты, но не Ляояна—это меня навело на подозрѣніе, что и отсюда нужно отступать. Никто мнѣ ничего не говорилъ, и я не пытался разспрашивать, чтобы не мѣшать тѣмъ, которые сражались, а не занимались фотографіей и писаніемъ, какъ я.

Слухъ, катясь широкой волной, достигаетъ наконецъ и до моего уха. Говорятъ, что генералъ Куропаткинъ предполагаетъ сузить кругъ обороны Ляояна, чтобы противупоставить большее число войскъ арміи Куроки, стремящейся охватить лѣвый флангъ арміи и направляющейся къ сѣверу отъ Ляояна.

Въ 7 часовъ 30 минутъ 3-й Сибирскій корпусъ получилъ отъ командующаго арміей приказаніе оставаться на своихъ позиціяхъ. Къ этому времени въ передовой линіи корпуса были слѣдующія войска.

Слѣва—генералъ-маіоръ Кашталинскій.
12-й Вост.-Сибирск. стрѣлк. п.—3 батал.
10-й „ „ „ „ —3 „
283-й пѣхотн. полкъ —1 „
3-й Вост.-Сиб. стрѣлк. арт. бр.—2 бат. (16 ор.).
Справа—генералъ-маіоръ Даниловъ.
21-й Вост.-Сиб. стрѣлк. п.—3 батал.
23-й „ „ „ „ —3 „
24-й „ „ „ „ —3 „
9-й „ „ „ „ —2 „
18-й „ „ „ „ —1 „
6-я Вост.-Сиб. стр. арт. бр.—1 батар. (8 ор.).
Правѣе дер. Цофантунь ген.-маіоръ Путиловъ.
Енисейскій полкъ—3 баталіона.
17-й Вост.-Сибирск. стрѣлк. полкъ—2 роты.
23-й „ „ „ „ —2 „
18-й „ „ „ „ —2 батал.

2-го Читинскаго казачьяго „ —4½ сотни и одна горная батареи (8 орудій).

Большая батарея (24 полевыхъ орудія)—полковника Криштафовича.

Въ резервѣ за правымъ флангомъ у дер. Цофантунь 9 баталіоновъ.

11-й Восточн. Сибирск. стрѣлк. полкъ изъ состава нашего корпуса, былъ на участкѣ X-го армейскаго корпуса къ востоку отъ дороги Сычаню—Мындяфанъ. Въ $9^1/_2$ часовъ утра, въ то время, какъ у насъ шелъ вялый бой, начала раздаваться интенсивная стрѣльба со стороны дер. Маѣтунь въ раіонѣ 1-го Сибирскаго корпуса; повидимому японцы мѣняли направленіе своего удара.

Я отправился на высоты къ западу отъ нашей дер. и отсюда могъ отлично слѣдить за японскими атаками на высоты Цофантунь, за стрѣльбою батарей Криштафовича и за всѣмъ, что происходило къ югу отъ Ляояна. Многія деревни къ юго-западу отъ Ляояна горѣли. Воздушный шаръ парилъ надъ городомъ и, вѣроятно, если не нравился японцамъ, сильно забавлялъ китайцевъ. Деревня Уйдягоу была въ огнѣ. На горѣ, на которую я взобрался, мнѣ пришлось говорить съ однимъ изъ оставшихся въ живыхъ, офицеровъ 3-й батареи 6-й Вост.-Сибирск. стрѣлк. артил. бриг. и онъ увѣрялъ меня, что два послѣднихъ, оставшихся на позиціи орудія, отбивая японскія, оба вмѣстѣ выпустили свыше 1500 выстрѣловъ въ продолженіи перваго дня боя. Я отказывался вѣрить этой страшной цифрѣ. Утромъ я узналъ, что если армія должна будетъ отступать, то нашъ корпусъ будетъ въ общемъ резервѣ арміи и перейдетъ на правый берегъ Тайцзыхе, къ сѣверу отъ Ляояна.

Въ $3^1/_4$ ч. я одинъ сопровождалъ генерала Иванова, отправившагося верхомъ къ своимъ резервамъ. Мы проѣхали очень немного, какъ вдругъ къ генералу во весь опоръ подскакалъ конный стрѣлокъ и доложилъ, что начальникъ штаба проситъ его возвратиться въ штабъ. Мы пустили лошадей галопомъ и, вернувшись, генералъ Ивановъ нашелъ телеграмму генерала Куропаткина, просящаго подкрѣпленія для 1-го

Сибирскаго корпуса, такъ какъ японцы, повидимому, хотятъ прорваться въ равнину Ляояна между дер. Тассы и Синлитунъ. Сейчасъ-же двинули баталіонъ 18-го Восточн.-Сибирск. стрѣлк. полка.

Въ 5 часовъ, вѣротно, для охлажденія общаго возбужденія, пошелъ дождь, а въ $6^1/_2$ ч. я направился къ станціи Ляоянъ, чтобы подкормиться, а главнымъ образомъ подковать свою лошадь. Между тѣмъ, какъ я быстрой рысью приближался къ стѣнамъ города, въ южномъ участкѣ сраженіе все болѣе и болѣе разгоралось.

Никогда я не сумѣю описать того, что увидѣлъ въ вечеръ 18-го августа, находясь въ Ляоянѣ; но меня укрѣпляетъ мысль, что если я не опишу свинцоваго урагана въ Шоушаньпу, то онъ все равно никогда не будетъ хорошо описанъ, такъ какъ въ этотъ вечеръ въ Ляоянѣ, хотя и было много людей, но не было поэта. Вспоминая этотъ вечеръ, я, какъ будто вновь переживаю все испытанное. Я вновь вижу себя и нѣсколькихъ русскихъ стоящими на крышѣ водокачки и слѣдящихъ за боемъ южнаго участка. Никто не говоритъ, а всѣ стоятъ въ сосредоточенномъ молчаніи и не отрываютъ глазъ отъ позиціи 1-го Сибирскаго корпуса—южнаго участка, гдѣ кипитъ бой.

Думали-ли мы? Мнѣ кажется, что это не возможно. Чувство страха, жалости, удивленія охватили насъ мощными объятіями, и мы стояли, какъ загипнотизированные. Время отъ времени мои сосѣди хватались за голову руками съ возгласомъ: „Господи! какъ они еще могутъ держаться? Что-то будетъ! Это ужасно". Я поѣхалъ въ Ляоянъ, чтобы поѣсть, но кончилъ тѣмъ, что остался на водокачкѣ до тѣхъ поръ, пока не стемнѣло.

Въ этотъ вечеръ я присутствовалъ при самой потрясающей сценѣ изъ всей войны. Японцы рѣшили во что-бы то ни стало войти въ Ляоянъ и готовились къ одной изъ тѣхъ атакъ, которыми прославилась ихъ пѣхота. Съ цѣлью подготовки атаки японцы сосредоточили огонь по крайней мѣрѣ двухсотъ орудій на высоты у д. Шоушаньпу и теперь не было мѣста вокругъ этого послѣдняго—куда-бы не падали и не раз-

рывались ихъ смертоносные снаряды. Огонь непріятельскихъ пушекъ былъ подавляющій, но онъ не наносилъ столько пораженія, сколько нравственно потрясалъ всѣхъ, даже и меня, находившагося въ 5-ти верстахъ отъ мѣста этой бойни.

X-ый корпусъ получилъ къ вечеру приказаніе отступить; отступленіе началось въ 9½ часовъ вечера и было произведено въ большомъ порядкѣ. 2-й Сибирскій корпусъ, находившійся правѣе нашего 3-го Сибирскаго, еще съ утра, по приказанію командующаго арміей, отступилъ, чтобы занять большую часть укрѣпленій полевого типа, построенныхъ вокругъ Ляояна.

Еще правѣе, тамъ, гдѣ, какъ намъ извѣстно находился 1-й Сибирскій корпусъ, японцы много разъ атаковали русскія позиціи; самый сильный ударъ пришелся на долю 34 Восточн.-Сибирск. стрѣлк. полка къ сѣверо-западу отъ дер. Сяоянсу.

Резервы І-го Сибирскаго корпуса были отозваны къ западу, гдѣ грозилъ обходъ. Японцы поставили здѣсь двѣ батареи близъ д. Сяоциндуйзы и могли такимъ образомъ обстрѣливать флангъ и тылъ русскихъ. Въ 8½ часовъ началась та большая демонстрація, о которой я уже говорилъ. Семь японскихъ атакъ были отбиты 1-мъ Сибирск. корпусомъ; послѣ этихъ атакъ генералъ Штакельбергъ — командиръ 1-го Сибирск. корпуса – получилъ приказаніе отступать и сдѣлалъ это по возможности скрытно отъ непріятеля.

Такъ кончился второй день великаго Ляоянскаго сраженія.

Русскіе очистили высоты, окружающія Ляоянъ, совершенно незамѣтно для меня, въ то время, какъ я сосредоточилъ все свое вниманіе на новой картинѣ, открывшейся передъ моими глазами.

Отрядъ Краснаго Креста расположился въ грязи; было видно нѣсколько освѣщенныхъ палатокъ и черныя тѣни спокойно передвигались изъ одной палатки въ другую. Я сидѣлъ поблизости и чувствовалъ какой-то ѣдкій и тошнотворный запахъ.

Время отъ времени мимо меня проходили санита-

ры съ носилками, а иногда, вмѣсто носилокъ, съ китайскими цыновками, держа ихъ за углы. Мнѣ захотѣлось подойти къ этимъ таинственнымъ палаткамъ. И что-же я увидѣлъ?—Мрачную, тяжелую картину: прямо на землѣ лежали кучи раненыхъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ; ихъ лица, искаженныя страшными мученіями, тускло освѣщались мигающимъ огнемъ свѣчей. Никто не жаловался, но почти всѣ стонали, судорожно подергиваясь всѣмъ тѣломъ.

Меня особенно поразили нѣсколько раненыхъ въ животъ: губы ихъ запеклись и они все твердили: ни къ кому не обращаясь: „Пить, пить!" Бѣдные люди! они, ничего не сознавая, искали смерти и, Богъ вѣдаетъ, сколько они еще должны страдать передъ тѣмъ, какъ перейти въ загробный міръ.

Былъ августъ—одинъ изъ самыхъ жаркихъ мѣсяцевъ въ Маньчжуріи, и можете вообразить, что за запахъ распространяли горы бинтовъ залитыхъ кровью и брошенныхъ на землю вокругъ палатокъ; къ этому присоединился запахъ отъ разлагающихся труповъ, (уже умершихъ раненыхъ), сваленныхъ въ общую кучу въ одну изъ палатокъ. Живые мертвецы не давали времени хоронить мертвыхъ.

Проходящіе мимо меня люди выносили мертвыхъ, и ихъ путешествія туда и обратно были безконечны.

Я все продолжалъ оставаться у этихъ палатокъ и, наконецъ, подошелъ еще ближе и заглянулъ во внутрь, гдѣ виднѣлось нѣсколько сестеръ милосердія.

Свѣтлое и радостное чувство волной охватило меня при видѣ этихъ свѣтскихъ женщинъ, которыя съ божественнымъ спокойствіемъ переходили отъ одного къ другому, неся пищу или лекарство, напутствовали умирающихъ, говоря имъ слова о лучшей жизни, и съ довольными лицами поздравляли храбраго солдата, спрашивали его о родинѣ, о женѣ и повторяли: „Ты былъ храбръ. Я знала другого твоего земляка, и онъ былъ молодецъ. Крѣпись! всѣ мы служимъ нашей родинѣ. Не бойся, еще не все кончено, помѣряемся еще съ врагомъ и за васъ отомстимъ".

Святыя женщины, перенесшія столько клеветы! Знайте, что единственный итальянецъ, видѣвшій васъ

въ работѣ, всегда защищалъ васъ и будетъ защищать и всегда приведетъ васъ въ примѣръ женщинамъ своего отечества! Нѣтъ ничего удивительнаго, что вы теперь встрѣтите въ Италіи новобрачныхъ. Попробуйте спросить его кто онъ и кто она; вы навѣрное услышите, что онъ герой войны, долѣчивающій свои раны въ нашемъ благодатномъ южномъ климатѣ, а она...—она бывшая сестра милосердія, которая, какъ добрый ангелъ, облегчала его тяжелыя страданія и успѣла доказать ему какой нравственной и физической силой обладаетъ святая русская женщина...

Вотъ описаніе моего вечера, послѣ дня, когда закончилась первая и главная половина сраженія подъ Ляояномъ.

О! эта жестокая война. Дай Богъ, чтобы нашу страну не постигъ этотъ бичъ и она всегда умѣла-бы быть готовой къ войнѣ и чтобы никто не посмѣлъ напасть на нее. Но если-бы намъ пришлость сражаться, то вы, итальянскія женщины, идите съ нами; пусть мы не увидимъ слезъ вашихъ глазъ, а услышимъ лишь слово безпредѣльной благодарности, за отданную на благо дорогой родины молодую жизнь.

Да будутъ русскія женщины вамъ примѣромъ!

Ночь на 18-е августа я проспалъ въ Ляоянѣ и собирался встать съ разсвѣтомъ, чтобы вернуться въ свой штабъ въ дер. Тацзыинъ. Я не зналъ, что мой корпусъ уже за сѣверной стѣной Ляояна.

Съ слѣдующаго дня главныя событія разыгрываются на правомъ берегу р. Тайцзыхе, гдѣ 3-й Сибирскій корпусъ, находясь въ резервѣ, не принимаетъ почти никакого участія и лишь мѣситъ усталыми ногами мягкую, вязкую Маньчжурскую грязь.

Русская армія судорожно бьется, стараясь очистить дорогу къ Мукдену.

С. Толкушкинъ.

Цѣна 30 коп.